

Детская книга войны...

К 75-летию со дня полного снятия блокады Ленинграда

27 января отмечается день воинской славы России – День снятия блокады города Ленинграда (1944 год). 900 дней жизни в осажденном врагами городе стали жестоким испытанием не только для взрослых жителей города, но в еще большей степени – для детей. К сожалению, о перенесших блокаду детях мы знаем не много. Узнать о том, что они пережили, мы можем сегодня из их дневников, которые собрали журналисты еженедельника «Аргументы и факты» в одну книгу «Детская книга войны – Дневники 1941–1945». Фрагменты из малоизвестных детских воспоминаний, опубликованных в этой книге, предлагаем вниманию наших читателей. События изложены в хронологическом порядке, поэтому некоторые дневники приводятся с продолжением.

Из дневника Юры Рябинкина

Юра Рябинкин, живший в Ленинграде с мамой и сестрой, честно записывал трагические переживания в свою синюю тетрадку в матерчатой обложке.

8 сентября 1941 г.

...Дали тревогу. Я и внимания не обратил. Но затем слышу, на дворе поднялся шум. Я выглянул, посмотрел сперва вниз, затем вверх и увидел... 12 «юнкеров». Загудели разрывы бомб. Один за другим оглушительные разрывы, но стекла не дребезжали. Видно, бомбы падали далеко, но были чрезвычайно большой силы...

Скоро дали отбой. Результат фашистской бомбежки оказался весьма плачевный. Полнеба было в дыму. Бомбили гавань, Кировский завод и вообще ту часть города. Настала ночь. В стороне Кировского завода виднелось море огня. Мало-помалу огонь стихает. Дым, дым проникает всюду, и даже здесь ощущаем его острый запах. В горле немного щиплет от него...

6 ноября. ...Занятия в школе продолжаются... Сидим за партами в шубах, многие ребята совершенно уроков не учат. На литературе интересен тот факт, что ребята рассказывают образы из «Мертвых душ» по учебнику, где они есть. Некоторые даже вообще не читали «Мертвые души»...

Учеба мне почему-то сейчас в голову не лезет. Совершенно нет желания учиться. Голова одними мыслями о еде да о бомбежках, снарядах занята. Вчера поднял корзину с сором, вынес во двор и еле обратно на свой второй этаж взобрался. Устал так, словно два пуда волок целых полчаса, как кажется, сел и еле отдышался. Сейчас тревога. Зенитки бьют вовсю...

Из дневника Гали Зимницкой

Блокадный дневник Гали – дневник чувственный, женский, несмотря на то что автору 14 лет.

17 ноября 1941 г. Сегодня мама не пустила меня в школу. Причина – женский день в «круглой» бане, что бывает

не так уж часто. Мы удачно помылись и только вошли в свою квартиру, как наш дом заходил ходуном. Стрельба зениток началась одновременно с сигналом тревоги, и сразу посыпались бомбы. Все началось и кончилось за какие-нибудь пять минут.

После отбоя я побежала к школе. Там уже стояли наши машины скорой помощи. В них грузили носилки с ранеными ребятами, сажали раненых учителей. Бомбежка застала школьников, когда они шли к щелям через Сердобольскую улицу. Убило одного мальчика, который замешкался и стоял, когда все залегли. Тяжело ранило нашего Павла Петровича. Он тоже стоял на дороге и подгонял детей в укрытие...

2 декабря. В госпитале вылетели все стекла, в палатах мрак от фанерных заплат в окнах. Большинство раненых, особенно тяжелых, находятся в бомбо-

Галя Зимницкая с родителями

Лера Игошева с мамой и папой

ГРАЖДАН
ТРИ ЛЕТ
ТАК
ЛЮДИ

Блокада Ленинграда продолжалась с 8 сентября 1941 по 27 января 1944 года, став не только символом героизма и самопожертвования советских граждан, но и одним из самых страшных злодеяний нацистской Германии. По разным оценкам, она унесла жизни от 600 тысяч до 1 миллиона человек...

убежище. Срочно ликвидируются последствия налета: вставляются стекла, штукатурятся потолки и стены (местами отвалились большие куски штукатурки).

Медсестра Таня рассказала, что в ту ночь им здорово досталось. От взрывной волны упали и разбились керосиновые лампы, в двух местах начался пожар, который в суматохе не сразу заметили. И все же огонь погасили своими силами до прибытия пожарных. Один раненый признался мне, что ему на фронте не было так страшно, как здесь: там все ясно, где враг, откуда бьют, куда стрелять, а тут чувствуешь себя загнанным зверем...

7 декабря. Встретила в булочной Люсю Курьяк. Она сказала, что ее отца направили от завода работать в похоронной команде. В городе есть квартиры, где лежат необузданные покойники. Особенно много таких квартир в центре города. Людей там губит не только голод, но и холод, так как нет дров: до войны обогревались паровым отоплением. Сожгли мебель, книги, но этого слишком мало для суровой блокадной зимы...

13 декабря. Большая победа наших войск под Москвой! Ради такого праздника мама устроила банный день. Натакали воды из пруда, хорошо протопили плиту, нагрели целый бак воды. Мылись в корыте. После мытья все порозовели и похорошели. За скудным обедом шутили и смеялись...

31 декабря. Через несколько часов Новый год. Но ничто не напоминает об этом. Попив горячей воды с кусочком хлеба, наши домочадцы разошлись по своим комнатам. Я лежала в постели и вспоминала о довоенных новогодних приготовлениях... Вот мы с мамой принесли домой большую пушистую елку. В квартире густо запахло смолой. Обеденный стол сдвинут к стене и завален елочными игрушками. В муфточки, коробочки и сумочки засыпаем драже

и театральные горошек. Шоколадные конфеты в нарядных фантиках вешаем на елку вместе с игрушками... Стоп!

Я вдруг вспоминаю, что большие длинные конфеты, похожие на хлопучки, сохранились из-за яркой красочной обертки. Их уже года два-три вешали на елку. В обертках была пастила, поэтому конфеты были легкими и не оттягивали елочные лапки. И вот я осознала, что такое сокровище лежит в коробке с игрушками. С воплем «ура!» соскакиваю с постели, зажигаю коптилку, стаскиваю со шкафа коробку и добываю драгоценные конфеты. Их пятнадцать штук!

Мама и бабушка радостно удивляются. Дядя Миша проснулся, но еще не понимает, что случилось. Я ему объясняю. Одеваемся и садимся за стол. Трофимовна отдает нам свой последний чай. Всем досталось по три конфеты!..

С Новым, 1942 годом! С новыми нашими победами на фронте! Сейчас все хотят только этого. Это первое и главное пожелание друг другу...

Из дневника Леры Игошевой

Дневник Леры, который она спасала от воздушных тревог, унося с собой в убежище в кармане, пришитом к изнанке пальто...

13 января 1942 г. Подошел и прошел Новый год. Мы его немножко встретили да около 12 и уснули. Сначала мне очень хотелось отпраздновать сам момент Но-

вого года, я спорила, плакала, а потом – ничего. Пусть весь год я буду спать так же сладко.

Сейчас очень, очень тяжелое положение в городе. На Новый год, на январь возлагались такие надежды. А на деле – никаких улучшений. Хлеба все те же 200 г, продукты вот только сегодня стали давать за первую декаду. Люди мрут как мухи... В перспективе – ничего. С фронта никаких отрядных известий. Блокада все еще не прорвана.

Дома у нас все идет как-то даже странно. Лишения на каждом шагу: голодно, дров мало – холодно, электричества нет, воду приходится носить из прачечной, помои выносить во двор, трамваи не ходят – мама и папа ходят на работу пешком... В школе каникулы продлили до 15-го. Кормят не каждый день. 7-го была елка...

28 февраля. Сегодня мне исполнилось 15 лет. Как не похож этот мой день рождения на то, что я ждала, о чем мечтала. Много писать не буду – нет сил и желания, всего не описать, да и просто все это я и так буду помнить всю жизнь.

18-го умер папа. О, как просто все это случилось. Болела мама, папа жил на почтамте, был в стационаре и немножко подправился, потом вдруг заболел... ничего не ел, стал чахнуть и... около часа дня 18-го умер там же, на почтамте. Я провела у него предпоследнюю ночь, мамочка – последнюю. Мы сделали все, что могли, но было уже поздно. Врач говорит, что папа был обречен уже с декабря-января, что третья степень истощения уже неизлечима...

Из дневника Миши Тихомирова

В блокадном городе близкие Миши, конечно, видели, знали, что он ведет дневник. Но и после его гибели они еще долго не открывали две тетрадки – слишком живым и ранимым было все с ними связанное...

20 марта 1942 года. Вот новое по городу за последние дни: идет массовая уборка снега из дворов, у Обводного, например, на мосту постоянно стоят грузовики, сани с ящиками, сваливающие груды снега за перила. Целыми днями над городом носятся и гудят самолеты, много самолетов; изредка начинается страшная пальба зениток – очевидно, над городом появляется вражеский самолет. Говорят, что площадь Урицкого вся вскопана снарядами: сгорела довольно большая часть Гостиного Двора...

28 марта. ...Выпущено постановление о мобилизации всего населения с 15 лет для очистки города... Теперь ежедневно по два часа будем направляться школой на работы (так будет до 8 апреля)...

29 марта. ...Город принялся за уборку. На улицах масса народу с ломами, лопатами и кирками. Солнце помогает им всюю. Уклоняющихся от повинности задерживают милиционеры (была, например, оцеплена толкучка и устроена проверка документов)...

Немцы разлетались: самолеты появлялись над городом несколько раз. Зенитки, как и полагается, страшно, но безрезультатно палили.

P.S. Пробуждение сегодня не совсем обычное: с грохотом и звоном выбитого стекла. Очевидно, где-то поблизости ляпнулся снаряд. Я искал, но следов не нашел...

2 апреля. ...В школе новый предмет, называемый «Противохимическая защита». Упор на то, что очень и очень возможны в самом близком и неожиданном будущем «химподарки» от немцев; половина передовиц посвящена этому...

Из дневника Гали Зимницкой

Продолжение.

22 августа 1942 года. Вчера мне исполнилось 15 лет. Но этот день про-

шел в обычном дежурстве. Я никому об этом не сказала и домой отпроситься не смогла. Да и что тут особенного? 15 лет – даже паспорта не полагается.

Интересно, как бы мой день прошел, не будь войны? Бабушка испекла бы большой пирог и обязательно купила бы раков. Раки – это любимое лакомство нашей семьи...

21 сентября. Мама договорилась с начальством, и меня взяли на оборонные работы. Работать тяжело, хотя грунт песчаный. Копаем рывками – 15 минут работаем, пять минут отдыхаем. Такой режим позволяет в короткий срок отдать максимум сил, а за отдых – накопить их снова. Вместе со мной работают такие же малолетки, как и я. Работаем мы наравне с взрослыми. За это вечером получаем отдых на топчанах в деревянном скрипучем доме. Желающие могут здесь переночевать. Мы же с мамой идем домой и несем бабушке Сашете кусочек хлеба.

30 сентября. Сегодня оформлялась на фабрику. Нас, подростков, оформлялось четверо. Пока женщина из отдела кадров ходила с нами и нашими документами по всем начальникам на фабрике и в райсовете, все время боязливо приговаривала: «Ох, где-нибудь да откажут!» Главной причиной остается наш малый возраст. Наконец нам подписали документы – ура! Я теперь ученица ФЗО!

4 октября. Как выяснилось, «фабзайчат» в основном бросают на прорыв. Выполняем вроде бы несложное дело, но и оно дается с трудом. Вот уже два дня работаю в ящичном цехе. Мне дают готовые рамки (стенки плоского ящичка), к которым надо маленькими гвоздиками прибить фанерное дно. Кажется, чего проще? Но у меня молоток попадает почему-то по пальцам, а гвозди норовят пройти мимо стенки. Для постоянных цеховых рабочих так это – просто игра. С одного пристука забивают гвозди и, не заглядывая на обратную сторону, ставят ящик на сдачу.

8 октября. Не прошло и недели, а я уже на оборонных работах. Из нашего ФЗО пока направили сюда восемь человек. Работаю на строительстве дота в бригаде с совсем незнакомыми людьми. Дот строим на набережной Большой Невки у моста Свободы. Мы, четверо девочек, ломами выковыриваем из панели каменные плиты и переносим их на носилках к месту будущего дота. С работой нас торопят, так как не за горами заморозки и зима...

30 октября. Вчера на объекте (недалеко от больницы Эрисмана) был сильный артобстрел. Снаряд разорвался недалеко и как раз напротив нашей амбразуры. К счастью, мы, все четверо, были за ней, а вот из бригады, разбившейся на кирпичи старую ограду, убило бригадира – очень славную девушку Катю. Она была энергичная, веселая и очень хорошенькая. Мне почему-то ду-

малось, что песня «Катюша» именно про нее. И вот на носилки положили что-то окровавленное, не имеющее ничего общего с Катей...

2 января 1943 г. Новый год я провела на фабрике, в штабе. Немного выпили за успехи наших на фронте. Закусывали хлебом с селедкой – невиданная роскошь! Говорят, попалась бочка с селедкой вместо яблочного повидла...

18 января. Вечером, сменившись с поста, пришла в штаб. Девчонки где-то раздобыли жидкую, несмываемую губную помаду и намазали губы. Я тоже не отстала. Но если девчонки намазали чуть-чуть, то я, неумеха, жирно намочила пробку и так навела, что можно было подумывать, будто у меня изо рта идет кровь. Сначала пыталась смыть, а потом, махнув рукой, легла спать. Вдруг будит меня тетя Дина: «Вставай, «красавица», блокаду прорвали!» Я вскочила, хотела поцеловаться, а она, смеясь, отстраняется: думает – замажу. Все побежали на фабричный двор слушать громкоговоритель. Я тоже побежала, прикрыв рот шарфом. Во дворе собралось много народа – вся ночная смена и штабники. Радость была так велика, что многие плакали. Я впервые поняла, как плачут от радости. Утром привезли наших девочек, временно работавших на ликероводочном заводе. Они отметили там это радостное событие так, что всех вели до нар как больных...

25 января. Ходили с Лешей в кино, смотрели «Парень из тайги». Перед фильмом демонстрировался киножурнал о прорыве блокады. Когда показывали момент соединения Ленинградского и Волховского фронтов, то в зале, так же как и на экране, кричали «ура» и бросали вверх шапки.

29 января. Под Сталинградом немцы окружены и разгромлены окончательно!..

Из дневника Майи Бубновой

Мы знаем, что Майя пережила войну. О взрослой Майе Александровне доходили известия, что «занялась наукой, командирована из Ленинграда». Последние ноточки к ней ведут в начало 2000-х, когда она проживала в городе Пушкине, на улице Магазиной. Затем след обрывается.

9 сентября 1943 г. Какая радость! Город за городом, область за областью каждый день возвращаются в семью советских городов и областей. Каждый день, каждый час наша родная Красная армия освобождает тысячи советских граждан от ига кровавых маньяков и десятки – сотни километров нашей родной Русской земли, наши центральные области, нашу золотую Украину, наш Юг!.. На Запад! К Днепру, к Березине! Ничто, ничто не может, не могло и ни-

когда не сможет сломить нашу волю к победе, нашу волю к счастью свободного созидательного труда, творчества и отдыха, нашу волю к беспощадной мести и борьбе за Родину-мать. Мы сильны своим единством, своей великой целью освобождения человека, а прежде всего своей Родины.

10 сентября. Сегодня исполнилось два года с тех страшных, грозных и напряженных дней, когда зарево горящего Гатчино и бушующие языки пламени от первых фугасок, сброшенных на Ленинград, ворвались в нашу жизнь неумолимой правдой надвигающейся опасности...

Я вспомнила, что вчера в озере разорвались два снаряда, что дня три назад у меня на глазах раскололся напополам, вспыхнул и, кувыркаясь, пошел книзу немецкий лихач, что разобрали узкоколейку и завезли в Красное Село два орудия для того, чтобы проверить построенные нами дзоты. Все это все же было чем-то лишь напоминающим, что нас окружает война, но не было заставившим мгновенно осознать действительность положения. Я, как и тысячи ленинградцев, рыла окопы, строила дзоты, но не верила, что они пригодятся, что они станут одним из препятствий на подступах к городу, не верила, что война станет буднями нашей жизни, что она вырастит меня. В том, что будут бомбить Ленинград, я не сомневалась, но что в 12 километрах от города будут немцы, я не верила тогда в то обыкновенное утро,

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА

Осада города на Неве началась 8 сентября 1941 г., когда гитлеровцы окружили нашу Северную столицу и сомкнули кольцо...

План Гитлера был таков: Ленинград следовало не только захватить, но и разрушить полностью. Во-первых, воцарение на этой территории давало возможность Германии властвовать по всему Балтийскому морю... Во-вторых, падение Ленинграда имело огромное значение для укрепления духа немецкой армии и для осуществления попытки морального давления на все население Советского Союза...

Ленинград был совершенно не готов к осаде. Никаких особых запасов продовольствия не имелось, так как город снабжался привозными продуктами. Вдобавок гитлеровцы постоянно совершали артобстрелы, стараясь попасть в склады, где хранились мука и сахар.

Для ленинградцев началась тяжелейшая жизнь: уже в середине осени в город пришел страшный голод.

Паек для работающих постоянно уменьшался, в результате дошел до цифры 250 г хлеба в день. Детям и иждивенцам полагалось и того меньше – по 125 г. Что это был за хлеб! Жмых, опилки, желуди и пыль, оставшаяся от запасов муки... Больше никакой еды.

Смерть от голода – обычное явление в осажденном городе. Конечно, на таком пайке люди умирали массово. Абсолютно нормальным стало явление, когда человек медленно шел по улице и вдруг падал от истощения...

Удивительно и непостижимо для нашего поколения: на таком питании люди умудрялись не только выжить, но и трудиться. Работали заводы, выпуская боеприпасы. Действовали школы, больницы, не закрывались театры. Дети и подростки работали наравне со взрослыми, обучались тушить сброшенные бомбы. Немало жилось счастья 10-12-летним мальчикам в дзотках...

Несколько раз наши войска пытались прорвать блокаду. Еще в 1941 году предпринимались попытки, но увенчавшиеся успехом, так как силы противника были неизмеримо больше. И вот 18 января 1943-го – блокадное кольцо прорвано! Город воспрял духом. У жителей словно появились новые силы. 27 января 1944 года блокада окончательно была снята...

Ирина Бурдакова

ставшее через час первым моим боевым крещением. Да, именно через час над нами загудели 36 немецких бомбардировщиков, методично пикировавших на сады и дома Красного Села, на людей с лопатами в руках, рывших рубеж ползущей гадине. На Воронежей горе загорелись палисаднички, запыхала небранная рожь, застонала красносельская земля и вздыбилась, готовая встретить по-русски врага.

Мы уходили в Ленинград, к городу, и мы знали, что дальше этой земли немец не пройдет, она станет смертельным рубежом для него. И если он вступил на нее, то смерть, смерть и смерть найдет для себя он на ней. Но в город, в город нашей свободы, гордости и счастья ему не прийти никогда, от городских застав мы не уйдем ни на шаг, ни на полшага не отступим. Так было прежде, будет сейчас и будет всегда.

Из дневника Гали Зимницкой

Продолжение.

3 октября 1943 г. Наступление наших войск теперь не остановить до самого Берлина! Все так говорят. Настроение хорошее, приподнятое. Часто захожу в парикмахерскую на Литейном, делаю завивку щипцами. Волосы у меня послушные, этой прически хватает на всю неделю. На танцы ездим в клуб МВД или в Мраморный только по субботам или воскресеньям...

7 декабря. ...В воскресенье, от нечего делать, мы с Тосей зашли в красный уголок. Смотрим, а там новые лица – офицеры с погонами артиллеристов. Разговорились.

Оказалось, что их часть расположилась в школе недалеко от нашего дома. Мы познакомились с Володей Филипповым и Женей Сладковым. На следующий день пригласили их ко мне домой. Узнали, что Володя медик, а Женя почему-то химик. В тот вечер у меня была Ляля...

25 декабря. Володя пригласил меня на фильм «Сто мужчин и одна девушка». Я охотно согласилась, и мы поехали на Невский в кинотеатр «Октябрь». У кинотеатра толпился народ, спрашивали лишний билетик. В фойе было тепло и уютно, играл небольшой оркестр. И тут началось...

Где-то невдалеке разорвался снаряд. Мы почувствовали это по сотрясению здания. Но оркестр играл, люди спокойно слушали. Следующий снаряд упал совсем рядом, вылетели стекла, затрепетали и надулись, как парус, синие шторы. Оркестр перестал играть, но никто не расхотелся. Вошел администратор и хотел что-то сказать, но разрыв следующего снаряда заглушил его слова. Махнув рукой, он вышел. Я огляделась. Оркестра уже не было, народ устремился к выходу.

Я разозлилась, прошла через фойе и демонстративно села у самого окна. Мне так хотелось посмотреть этот фильм с Диной Дурбин!

Володя сел рядом и сказал, что я смелая девочка. В тишине мы услышали стоны раненых под самым окном кинотеатра. «Сойди вниз и подожди меня», – сказал Володя и побежал оказывать медицинскую помощь. Я долго ждала его, потом не выдержала, прошла через черный ход и пошла к Невскому. На углу

чуть не споткнулась об убитых, которых я сначала приняла за грязную кучу снега. Я вскрикнула и попятилась. Не знаю, почему это так напугало меня, ведь за блокадные дни я видела не одну сотню трупов. Вдруг почувствовала, что кто-то взял меня за плечи. Володя! Я обрадовалась ему как родному! Володя рассказал, что один снаряд попал в трамвай, когда он пересекал Литейный проспект; другой разорвался тоже на Невском, у улицы Рубинштейна. Поскольку рельсы были разбиты и по Литейному трамвай не шли, мы отправились домой пешком...

28 декабря. Вечером Володя предложил погулять по парку. В городе грохотали беспорывные обстрелы, и ехать туда было просто безрассудно. Мы прошли по парку до самого конца и обратно. Был чудесный зимний вечер. Медленно падали крупные снежинки. Деревья, кусты и провода были выбелены инеем. От легкого морозца снег поскрипывал под ногами, а в воздухе пахло свежестью. Когда мы проходили под фонарем, Володя внезапно обнял и поцеловал меня. Мы прошли еще немного – и опять поцелуй под фонарем! Я не выдержала и рассмеялась... Володя сказал, что у них намечается грандиозная встреча Нового года и

что он хочет, чтобы я была с ним. В чем же мне пойти? Туфли есть, а платья нет. Мое единственное вишневое – не по сезону. На помощь пришла Лида Рябцева. У нее много нарядов, она старше меня на два года, и ее родители успели хорошо одеть дочь еще до войны. Теперь эти наряды Лида с радостью дает девочкам, оказавшимся в затруднительном положении. Мне подошло черное бархатное платье с белым кружевным воротничком и такими же манжетами. Спасибо тебе, Лида, за доброту!

Прибежала сияющая Ляля, она тоже идет с Женей встречать Новый год.

2 января 1944 г. Какой был Новый год! Я даже в мечтах не могла бы придумать лучшего. Ребята зашли за нами, и я заметила, как заблестели глаза у Володи. Видимо, я ему очень понравилась в бархатном платье...

Пришли в дом. В передней теснота ужасная, пальто и шинели висят горой с двух сторон, еле пролезли между ними. Вошли в комнату и ахнули! Комната – этаж с три наших, метров 45–50. Настоящий зал! Шикарный мраморный камин, у окна елка, а посередине – длинный стол, очень красивый в праздничном убранстве. На столе красиво нарезаны и уложены американская тушенка, колбаса из банок, мясо ломтиками, огурцы и прочие деликатесы. Но это я уже потом разглядела. А когда мы вошли, нам с Лялей сразу подали кресла и стали подходить знакомиться. Из девушек мы были пока одни. Наши ребята куда-то ушли, и мы остались среди незнакомых парней. Один из них уселся у моего кресла прямо на ковер и стал вести «светскую» беседу. Лялю обступила целая толпа офицеров. Я заметила, как она натянула платье на свои все еще тонкие ножки. Господи, какое внимание! Я думала, что так бывает только в кино. Завели патефон, стали танцевать. Я заметила одного парня, сидящего за столом у стены с очень грустным видом. Подошли новые ребята, появились и девушки. Но теперь никто не знакомился, только здоровались. Офицер на ковре спросил, сколько мне лет. Я сказала, что шестнадцать с половиной. Он с улыбкой покачал головой. Пришел комбат с женой, и все стали садиться за стол. Мы с Володей оказались напротив того грустного парня. Его зовут Саша Романов. Володя шепнул, что у него в оккупации погибли все родные.

Комбат встал, и все затихли. Он сказал несколько слов о нашем победном шествии на фронтах, напомнил, что предстоит еще много боев – и один из них будет очень скоро. Потом поздравил с наступающим Новым годом. Часы пробили полночь, все закричало «ура!». Подняли бокалы. Ну а потом – разговоры, танцы и опять застолье. Женя и Володя все подкладывали нам с Лялей еду, знали, что мы голодные. Но разве накормишь за один раз, если голодали не один год? Я рассматривала людей, сидящих

за столом. Володя называл имена своих товарищей, коротко рассказывая о них. Как я поняла, это минометчики. Сейчас у них небольшой отдых перед очередным броском.

Как мне не хотелось, чтобы кончалась эта новогодняя ночь! Но она кончилась, и мы пошли домой. На прощание Володя сказал, что мы обязательно отметим и старый Новый год, если только их не отправят до 13 января...

7 января. Вчера мы уже легли спать, как вдруг звонок. Я накинула свой синий сатиновый халат и открыла дверь. На площадке стоял... Володя. Я замерла от неожиданности. Он вошел в переднюю и как-то робко посмотрел на меня. Оказывается, Володька приехал с попутной машиной. Через час она пойдет назад и прихватит его. Он не захотел пройти в комнату, стеснялся спящей Тоси (он так и не знал, что мы не сестры и живем в разных квартирах), попросил постоять с ним в передней. Мы стояли, прислонившись к комоду, и тихо разговаривали. Удивлению моему не было конца. Ехать два с половиной часа, чтобы часок поговорить с девчонкой, которую и знал-то всего около месяца!

Оказывается, Володя понял, что не сказал мне самого главного, и все думал, как бы исправить дело. А тут машина, вот он и приехал. Володя признался мне в любви и попросил считать его своим другом и защитником...

Я стояла и молчала, а он и не допытывался, ему и так было хорошо. Но вот он надел шинель, поцеловал меня, крепко пожал руку, сказал: «Пиши чаще» – и ушел...

12 января. Получила письмо от Володи. Он пишет: «Привет с фронта! Здравствуй, многолюбимая Галя!!! Спешу передать пламенный привет и массу наилучших пожеланий. Галя, как хорошо вспоминать наши встречи. Ведь это были беспредельные радости и счастье, которое мы, возможно, не скоро опять испытаем. Ты только знай, что у тебя есть друг, который помнит о тебе всегда и везде, в любой обстановке и с нетерпением ждет встречи...» Далее слова песни из кинофильма «Два бойца»: «Как я люблю глубину твоих ласковых глаз...» и так далее. Затем следует привет маме, бабушке, Тосе и Ляле. О боевых действиях ни слова.

Письмо – воинское, с картинками: боец, показывающий пробитую немецкую каску, и пионер, в руках которого табель с отличными отметками. Посредине написано «Отличники», а сверху – «Смерть немецким оккупантам!». Адрес Володи очень короткий – полевая почта 86732.

А за окном – гул артиллерийской канонады...

20 января. Сегодня в почтовом ящике нашла записку с просьбой зайти в госпиталь. Подпись – Саша Романов. Я сразу побежала, но в проходной госпиталя

сказали, что сейчас обед, а потом будет тихий час. Пришла второй раз, пропустили. Нашла Сашу, он ранен в руку и в шею. Оказывается, Володя дал ему на всякий случай мой адрес. А случай – вот он: госпиталь рядом с нашим домом. Саша рассказал про первое наступление, про то, каким шквальным огнем сметают фашистов «катюши». Когда его ранило, он долго лежал, засыпанный землей и снегом, пока сам не откопался и его не подобрали санитары. «Вообще-то, – сказал Саша, – мне жить не хотелось с тех пор, как получил известие о гибели всей семьи. А когда засыпало, лежу живой в могиле, нет, думаю, еще поживу». Мне показалось, что он стал веселее, оживленнее. Буду к нему заходить...

21 января. Когда Володя уезжал, то подарил мне на память маленькую фотокарточку. В выходной решила нарисовать его увеличенный портрет. Получилось очень хорошо, я даже пожалела, что рисовала на серой бумаге, – не ожидала, что так удачно получится. По радио сообщают об освобожденных поселках, немцев выбили уже из Новгорода!

Я представила себе наших ребят, находящихся в непрерывных боях, у колоде, рядом со смертью. «Господи, помоги им», – говорит моя бабушка.

23 января. Пришло третье письмо от Володи. Он пишет, что отправляет так мало писем, потому что писать некогда и негде. С тех пор, как уехал из Ленинграда, не снимал с себя ни валенки, ни шубу. Сейчас находится за двести километров от нас, пишет на ходу, едут быстро и писать неудобно. Как бы мне хотелось хоть несколько дней побыть там, где делают свое святое дело Володя, Женя и другие ребята...

27 января. Могучий голос Левитана: «Сообщение Совинформбюро. Полное освобождение Ленинграда от вражеской блокады!» Вот оно, такое долгожданное и радостное известие. Вечером будет салют! Нет, не могу писать, плачу от счастья.

По приказу генерала Говорова был дан салют в 24 залпа из 324 орудий. Наш город салютовал войскам Ленинградского фронта. Это привет и благодарность от ленинградцев Володе, Жене и всем, всем, кто нас освободил. Салют был грандиозный. Казалось, что гром и свет от залпов дойдет до фашистов и так им станет жутко, как никогда еще не бывало. Когда раздавался очередной залп, у меня мурашки бежали по спине, так это было торжественно и красиво. Проектора освещали шпиль Петропавловской крепости, Ростральные колонны и здания у Дворцового моста. Народа было – сколько хватало глаз, многие плакали.

Да, мы пережили много горя, теперь пришло время радостям, а главная радость – еще впереди. И я верю, что окончательную победу уже недолго ждать!

ПРИМЕТЫ ВОЙНЫ

Дневники военных детей – это свидетельства удивительной наблюдательности и беспощадной откровенности, часто невозможной взрослому человеку. Дети замечали явления быта, приметы войны более точно, чем взрослые, лучше реагировали на все происходящие перемены. Их дневники ближе к земле. И потому их свидетельства, их доказательства подчас гораздо важнее для историков, чем дневники взрослых.

...Ужаснее всего для детей в блокадном Ленинграде, насколько я мог заметить тогда, были бомбежки и артобстрелы, темные улицы и дворы, где ночью не было никакого освещения. Разрывы бомб и снарядов – это была смерть ~~видимая~~, наглядная, к которой ~~они не могли привыкнуть~~.

А вот смерть ~~человеческая~~, которую ~~их не увидели~~ и в домах, они воспринимали ~~спокойнее~~, чем взрослые, и не ощущали такого страха и беспомощности перед ней, ~~могут быть, просто потому, что не понимали ее, не соотносили с собой~~.

Но были у детей свои, собственные страхи. А ужаснее всего, как выяснилось, для них был голод. Им гораздо труднее, чем взрослым, было перетерпеть его, они еще не умели заставляя себя, уговаривать, и оттого больше страдали. Вот почему так много строк и страниц в их дневниках посвящено мыслям о еде, мукам голода – и последующим мукам совести...

Чем эти дневники были для них, тех, кто их писал? Почти в каждом дневнике прочитывается: «мой лучший друг», «мой единственный советчик»... В дневник не пишут – с дневником говорят. Нет на земле ближе существа, чем эта тетрадь в коленкоревой обложке, чертежный блокнот, альбомчик с ладонь...

Работая над «Блокадной книгой», мы с Алексеем Адамовичем поняли, что наиболее достоверно чувства, поведение блокадников выражены именно в детских дневниках. Разыскать эти дневники было непросто. Но несколько поразительно подробных мы все же нашли. И выяснилось, что, как правило, дневник человек вел, даже не надеясь выжить. Но вместе с тем он понимал исключительность Ленинградской блокады и хотел запечатлеть свое свидетельство о ней...

Даниил Гранин,
писатель, участник
Великой Отечественной войны